

— Значит, ты это сделал? С ними все в порядке? — спросил ее Фред, пока она карабкалась сквозь пламя в Военную Комнату. Гермиона почти скромно стряхнула сажу с плаща и кивнула, выглядя благодарной, но подавленной.

«С ними все в порядке. Именно за тех, кем они себя назвали. Это все в обоих других убежищах». Гермиона несколько дней провела в Военной Комнате с Фредом и МакГонагалл, а иногда и с помощью мистера Уизли или Луны. За удивительно короткий промежуток времени она придумала довольно блестящее заклинание, которое могло обнаруживать искусственно ускоренный рост клеток — и, в свою очередь, клонирование — к счастью, обнаруживая, что в любом из трех убежищ находится только один клон. Она чувствовала себя почти извиняющейся, накладывая чары на Аберфорта и мадам Помфри, которые отмахнулись от ее беспокойства, почти как Ремус, когда она спросила его о его Патронусе. Она только что завершила наложение чар на обитателей конспиративной квартиры в Йорке и вернулась домой.

— Спасибо, Мерлин, — произнес Фред, сгорбившись над столом, заставленным оборудованием для Зельеварения. Сбросив плащ, Гермиона подошла к нему, с легкостью приступив к этой новой задаче.

Шесть дней из одной недели, о которой просила Гермиона, медленно пролетели. Она, Гарри и Рон каждый день спускались в северную конспиративную квартиру, чтобы выполнить умственные упражнения, необходимые для возвращения Джинни. Каждый день они возвращались измученные и подавленные. Тонкс и Фред слонялись по Корнуоллу, наблюдая за активностью Пожирателей Смерти, которая за прошедшее время значительно возросла.

— Он знает — или, по крайней мере, подозревает, — что мы здесь, — осторожно сказал Ремус однажды вечером за ужином. «Он просто не знает, где. Одно наблюдение за одним из нас, и он может стереть с лица земли весь регион».

— Но он этого не сделает, — уверенно ответила Гермиона. — Если он это сделает, у него никогда не будет доказательств того, что он победил Гарри. Он должен иметь... иметь...

— Тело, — лаконично закончил за нее Гарри. Группа, собравшаяся за увеличенным столом в Военном зале, погрузилась в тревожное молчание.

В остальное время Гермиона лихорадочно работала в Военной Комнате, сначала над заклинанием обнаружения клонов, а затем над анализом компонентов зелья, отправленного Невиллу. Ей и Фреду удалось изолировать компонент Модификации Памяти, а также Эликсир Впечатлений — ужасно сильную версию — которая, как правило, была более мягким жидким эквивалентом Проклятия Империи.

Это был еще один такой вечер в непрерывной череде вечеров, когда она и Фред снова усердно занимались своей задачей. Гермиона устало прищурила один глаз и взмахнула палочкой над крошечным флаконом, сосредоточившись на извлечении ингредиентов из готового продукта. Судя по количеству оставшегося зелья, должно было быть как минимум три других

ингредиента, а может и больше, если были следовые компоненты. Она вздохнула и попыталась изменить выражение лица, когда Фред увидел ее.

«Скольким людям вы только что применили это заклинание? Дюжине? От вас не будет толку, если вы так устали, что будете ходить по мебели», — сказал он небрежно.

— Я в порядке, — затуманенно сказала она. «То, что каждый день вталкивать Гарри в мысли твоего брата, действительно утомительно».

— Могу себе представить, — фыркнул он, подняв брови.

«Можем ли мы сделать это?» — спросила она, указывая рукой на множество оборудования для зелий, включая два пузырька с драгоценной жидкостью, которые им удалось изолировать и удалить из зелья Невилла. «Должно быть, это сложное зелье, вероятно, приготовленное Мастером — может быть, самим Снейпом. Это точно так же, как трассировщик портключей, и я так и не понял, как они это сделали». Она провела обеими руками по лицу и с отчаянием посмотрела на Фреда. «Волдеморт обыгрывал нас на каждом шагу. Как мы можем...?»

— Не на каждом шагу, — напомнил ей Фред. — В этом доме есть кое-кто, кого бы у нас не было, если бы не ты. Я не думаю, что Волдеморт всерьез на тебя рассчитывал. Гермиона слегка покраснела и опустила глаза.

— Какой-то я супергений оказалась, — пробормотала она.

— Итак, портключ? Фред сменил тему. — Вы изолировали его на компоненты?

— Да, — вздохнула Гермиона. «Эта часть была несложной, тем более, что это сделал я. Но ни одно из этих заклинаний нельзя отследить на большом расстоянии. Я... я просто не знаю, как им это удалось».

— Что, если это был не портключ? — спросил Фред, делая волшебную палочку вверх, словно вытягивая рыбу. «Что, если это было что-то на тебе — или на Гарри? А-ха! Вот так, Гермиона», — весело воскликнул он. «У нас есть кое-что еще. Похоже на какой-то вариант Запутывающей сыворотки. Хотя немного хаотично. Бедный Невилл — неудивительно, что он слышит голоса, выкрикивающие инструкции в своей голове».

Гермиона проглотила очевидный ответ, что человек, которого держат наверху, не Невилл.

«Если Волан-де-Морт что-то выслеживал на мне или Гарри, — сказала она, возвращаясь к более раннему комментарию Фреда, — тогда почему он не нашел нас до сих пор? Почему он не мог проследить нас всю дорогу сюда?»

«Ты самая гениальная ведьма своего века», — пожал плечами Фред. «Я просто постулирую.

Быстрее! Принеси мне флакон, он у меня есть». У него была Сыворотка Путаницы, аккуратно парящая над зельем в фиолетовой капле. Гермиона призвала то, что по сути было пробиркой, и Фред опустил ее туда, где она соскользнула по стенкам, чтобы скапливаться на дне стеклянного контейнера.

«Может быть, этого у нас больше нет — но я ничего не оставила на поле для квиддича», — предположила Гермиона, бессвязно размышляя вслух. «Я не понимаю, что они могли выследить, если...» Она вдруг замолчала, и в ее глазах был нескрываемый ужас. Фред посмотрел на нее с тревогой.

— О чем ты думаешь, Гермиона? — спросил он, видимо, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

— Где Гарри? — хрипло сказала она, говоря ошеломленно, когда ее глаза скользнули в сторону двери Военной Комнаты.

— Думаю, он наверху. Когда я вернулся, здесь никого не было. Что происходит?

Гермиона не ответила ему, но выбежала из комнаты, как будто за ней гналась банда Пожирателей Смерти. Ее ноги топали по лестнице в такт учащенному сердцебиению, и она чуть не упала на Рона, выходящего из лазарета. Ее другой лучший друг поймал ее до того, как она упала на землю, и она оттолкнулась от него, почти сразу после того, как снова встала, намереваясь накрениться в сторону комнаты Гарри.

Но руки Рона крепче сомкнулись на ее плечах.

— Гермиона, что случилось? Его лицо было бледным, а глаза казались слишком большими для остального лица.

«Где Гарри — я должна...» — выдохнула она, снова пытаясь выпутаться из его рук.

— Его здесь нет. МакГонагалл только что сказала об этом. Недавно они с Ремусом прошли через камин в северную конспиративную квартиру. Я полагаю, хотели кое о чем поговорить с Аберфортом. Это не уменьшило волнение Гермионы, а, наоборот, усилило его.

«Мы должны поймать его... мы должны...» Рон отодвинул свой длинный нос всего в нескольких сантиметрах от ее.

"В чем дело?" — осторожно произнес он.

«Нет времени объяснять, Рон. Он выслеживал его. Его магию. Поле для квиддича было достаточно изолированным, чтобы — там были только остатки — оно бездействовало все это время. Он почувствовал это во мне на митинге, и никто не понял. ... И теперь мы его

активировали - притягивали его прямо к нам... прямо к нам..."

Рон вглядывался ей в лицо, очевидно, отчаянно пытаясь понять безумный бег ее мыслей и ее бессвязную речь.

— Рисовать кого? Волдеморта? Гермиона кивнула, умоляюще глядя ему в лицо. Рон колебался всего мгновение, прежде чем рвануть вниз по лестнице, Гермиона бросилась за ним. Он звонил, когда шел,

«Открой камин, Фред! Открой камин к пограничному дому». Фред, очевидно, сделал это, как только услышал голос Рона, потому что пламя клубилось зеленым в каминной решетке, когда они влетели в дверной проем Военной Комнаты.

— Тебе лучше сказать Тонкс, что нам, возможно, скоро придется уходить, — поспешно сказала Гермиона Фреду, прежде чем последовать за Роном в огонь.

Рон вывалился из камина, а Гермиона последовала за ним так близко, что чуть не сбила их обоих с ног, и они напугали двух ведьм, сидевших в Военной Комнате, сгорбившихся над свитком пергамента.

— Где Гарри? — спросила Гермиона, не обращая внимания на их растерянные взгляды.

«Я думаю, что он на террасе... с Аберфортом и Ремусом...» нерешительно предложила одна из женщин. Рон и Гермиона достаточно познакомились с другим убежищем в своих путешествиях туда и обратно, и сразу же обратили внимание на то, что женщина использовала слово «вверху», а не «на». Гарри, очевидно, был на балконе, который составлял крышу крытой террасы на уровне земли. Они были на полпути к двери, когда Гермиона вдруг повернулась и задала еще один насущный вопрос, ее глаза сверкали каким-то отчаянным ужасом.

«Что люди видят, когда смотрят на этот дом?» Женщины обменялись неуверенными взглядами. «Люди не под Фиделиусом... что они видят?» Гермиона быстро пояснила, говоря с интенсивностью.

— Они видят старые руины... фундамент, дымоход, щебень... — ответила та же женщина, глядя на Гермиону так, словно та была любопытной диковинкой.

Дальнейшего разговора не было, поскольку Гермиона и Рон торопливо шли по извилистым коридорам дома и поднимались по лестнице. Когда они, наконец, добрались до двери в небольшой гостиной, ведущей на балкон, Гермиона так сильно толкнула портал, о котором шла речь, что зазвенели маленькие стеклянные панели в нем. Трое мужчин развалились на угловых перилах, оживленно разговаривая, но все выпрямились, увидев Гермиону в дверном проеме, а Рона следовал за ней. Лицо Гарри просветлело.

— Гермиона, смотри! — сказал он почти как ребенок в рождественское утро. Он либо не

заметил мрачного выражения ее лица, либо игнорировал его. Она озадачилась, когда увидела, что Гарри держит свою палочку.

— Вингардиум Левиоса , — произнес он, и голос его снова зазвучал молодо — молодо и беззаботно. Смех почти сорвался с его губ, когда смятый мертвый лист у его ног неравномерно качнулся в паре сантиметров от земли, на мгновение пошатнулся, а затем снова опустился вниз. "Я потратил весь день, чтобы получить это, но смотрите!" Снова улыбка. Гермионе хотелось плакать, она еле сдерживала себя, чтобы не уронить лицо в ладони и не зарыдать в голос. «Аберфорт думает, что ваша магия была... ну, так сказать, запускала насос... чтобы моя магия... реактивировала себя... Очевидно, ничего подобного раньше не делали, но... ну, никто не выжил после Авады .раньше тоже, и я... — Он бормотал, и в его глазах был яркий свет, и Гермиона почти не могла поверить, что это был ее Гарри... и ей придется забрать все это у него.

Он посмотрел на нее, примерно в то же время, когда она открыла рот, чтобы заговорить, и наконец увидел выражение ее лица. Его улыбка дрогнула и исчезла. Ремус заговорил первым.

— Гермиона, что случилось? Но Гарри быстро последовал за его словами.

— Кто мертв? Джинни? Гермиона подняла руки, поспешно махая ими перед собой, чтобы возразить тому, что он сказал.

«Нет, нет, никто не умер». Тем не менее, голос судного дня в ее голове предвещал. Она заметно колебалась на ногах, и ее взгляд скользнул вниз к палочке, все еще сжатой в его руке. Гермиона, смотри! — Гарри... — выдавила она с прерывистым вздохом. Затем, собравшись с духом, зная, что времени осталось мало, она добавила: — Волдеморт выслеживал твою магию. Именно так Пожиратели Смерти нашли нас на поле в Норе.

Она смотрела, как работают мышцы его шеи и челюсти, когда он судорожно сглатывал.

— Я... тогда у меня не было никакой магии. Я... он не мог... она исчезла... — он заикался, переводя взгляд на опавший лист у своих ног, выглядя не в состоянии понять, что именно она имела в виду.

«Поблизости не было волшебников — в вашем организме должно быть достаточно следов магии, чтобы их можно было найти. Когда ваша магия полностью израсходована, становится сложнее — к тому же ваша подпись растворилась бы в десятках других в Косом переулке. Упомяните, он чувствовал вас в Лондоне через меня, потом в Корнуолле — вы вспыхивали по всей стране. Должно быть, он думал, что демпфирующее поле вообще не сработало.

— Но это... это хорошо... — нерешительно предложил Гарри. «Хорошо, если он думает, что я все еще... все еще...» Жалобная фраза о том, каким я был раньше , осталась произнесенной, но молчаливо подразумевалась.

— Пока ты не начал оставаться на одном месте, — зловеще закончила Гермиона. Она ждала, наблюдая, как растерянность на его лице уступает место озарению и глубокому осознанию. Здесь . Все их попытки с Джинни, все проталкивание через него магии Гермионы — все они произошли здесь, за исключением импровизированной защиты от Люпина.

— Я... я был... весь день, мы были... я был... Он не смог договорить, и Гермиона подумала, что ее сердце вот-вот разорвется от его боли. «Неужели... неужели так легко отследить магическую подпись?»

— Ты связан, Гарри, — Ремус избавил ее от необходимости говорить снова. «Он может чувствовать тебя так, как не смог бы почувствовать никого другого». Люпин многозначительно постучал пальцем по своему лбу, выходя несколько усталым, как будто хотел избавить Гарри от этого.

"Тогда они идут, не так ли?" — сказал Гарри расплывчатым голосом, его глаза скользили по горизонту, как будто ожидая, что орды вторгшихся воинов с грохотом появятся в поле зрения. «Я практически отправил им приглашение с гравировкой».

— Фиделиус делает маловероятным, что... — быстро начал Ремус. Гермионе стало интересно, не нравится ли ему выражение полного отчаяния на лице Гарри так же сильно, как и ей.

"Но это не определено, не так ли?" — прервал Гарри. «Кто-нибудь знает, что произойдет, если Волдеморт прорвется сюда, одержимый разрушением?» Гермиона мрачно подумала, что Гарри знает — и Ремус тоже; они были свидетелями этого однажды ночью Хэллоуина давным-давно. Двое мужчин переглянулись, их взгляды кипели бессильной яростью и безнадежным отчаянием.

"Их Хранитель Тайн не был скомпрометирован!" — твердо заявил Ремус, указывая на самую важную разницу между той ночью и сейчас.

Прежде чем кто-либо успел ответить, раздался шум, который заставил страх проникнуть прямо в сердце каждого человека, стоящего на этой террасе... треск многочисленных аппаратов.

"Милая Цирцея!" — воскликнул Аберфорт себе под нос. Гарри жестом, который чуть не напугал Гермиону, облокотился на перила, сгорбившись в локтевых сгибах, его голова опустилась на круг его рук.

— Гарри, вставай! — сказала она свирепо, не в силах полностью избавиться от нотки умоляющего голоса. — Это не твоя вина. Никто не мог этого предвидеть. Она грубо отдернула его от перил за один локоть, и группа неуклюже и поспешно ввалилась в дом, когда первые темные силуэты стали различимы в зловещем свете заходящего солнца. Проблема пребывания в беспорядочном старом доме заключалась в том, что было трудно определить, где находятся другие люди по отношению к себе. Она повернулась к Ремусу, как к тому, кто, похоже, лучше всех разобрался в чарах Фиделиуса. "Что мы делаем?"

«Нам следует убираться отсюда к черту — домой», — мрачно сказал оборотень. «Они не могут войти. Тад не выходил из дома, а это значит, что «Фиделиус» цел. Люди здесь будут...»

В их толпу ворвался голос, голос, ставший еще более угрожающим и ужасным из-за его сонорусной громкости, который сказал просто:

" Акцио Брукхейвен!" Глаза Гермионы с глубоким ужасом встретились с взглядом Ремуса.

"Это - "

— Да, — закончил за нее ее бывший профессор. Таддеус Брукхейвен был молодым аврором, служившим в Бристоле, знакомым Тонкс и каким-то дальним родственником профессора Спраут, если Гермиона не ошиблась. Он также был хранителем секретов северного убежища. Раздался крик, а затем ужасный треск, как будто Брукхейвен был вызван прямо через стену дома.

— Что они... — нерешительно начал Гарри, его слова замерли на губах, когда он увидел пораженное лицо Гермионы. Словно в ответ на его вопрос, до их ушей донесся пронзительный вопль крайней агонии. Рон хлопнул руками по бокам головы, а крик, казалось, продолжался и продолжался. Кто-то, должно быть, пытался остановить их из верхнего окна, потому что раздалась внезапная драка из жезлов, а затем короткий крик и удар, когда будущий защитник был изгнан из окна этим самым последним из всех проклятий.

По каркасу дома пробежала дрожь, и глаза Ремуса устремились к потолку, как будто он осматривал его на целостность. Что-то смутно-розовое вспыхнуло и замерцало снаружи, поймав периферию зрения Гермионы. Люпин и Аберфорт, казалось, одновременно поняли, что происходит.

«Защита снимается», — сказал Аберфорт.

— Ты прошел через камин! Сейчас же! — прошипел ему в ответ Ремус. — У тебя мало времени. Если увидишь кого-нибудь еще на своем пути, возьми и их тоже.

— А как насчет остальных? Их нужно предупредить, — спросил Аберфорт, сворачивая за угол и направляясь к лестнице. Где-то в доме разбилось окно, и раздался крик удивления, быстро оборвавшийся.

— Я сделаю это, — настаивал Ремус. «У меня есть медальон, и я могу вернуться в наше убежище без каминной сети. Им придется отключить ее. Идите сейчас же!» Аберфорт понимающе кивнул и скрылся за углом, с палочкой наготове, держась в тени стен.

Ремус повернулся, и его пристальный взгляд встретился со взглядом Трио.

— Бери Гарри и уходи, — сказал он, отводя взгляд от сына своего друга и в основном глядя на Гермиону. «Его безопасность имеет первостепенное значение».

— Я могу... — начал Гарри, почти неуверенно поднимая палочку.

— Вингардиум Левиоса не остановит Пожирателей Смерти, — прямо сказал Ремус, почти морщась при этом. Гермиона увидела, как бледное лицо Гарри покраснело от возобновившегося стыда за то, что он стал катализатором неприятностей и обузой. «Убирайся отсюда. Скажи им, чтобы они отключили камин как можно быстрее».

Где-то недалеко — может быть, на кухне — раздался вскрик удивления и приглушенное произнесение Авада Кедавра. Очарование Фиделиуса рассыпалось, вырвано, как предположила Гермиона, из больше не функционирующего разума Таддеуса Брукхейвена. Она пыталась почувствовать горе, но не могла. Трио обменялось долгим взглядом. Лицо Гермионы было спокойным, хотя она считала, что ее глаза были немного более честными. Во взгляде Рона плясала смесь страха и покорности, хотя в нем был гриффиндорский блеск, который заставил Гермиону подумать, что он не хочет сдаваться без боя. Лицо Гарри было напряженным, изможденным и белым от вины. Я привел его сюда; Я нарисовал его здесь; Я оставляю других людей в опасности, чтобы спасти мою драгоценную шкуру. Эти мысли были столь же очевидны для Гермионы, как если бы он выкрикивал их ей.

— Я останусь, — быстро сказал Рон, два слова, спотыкаясь друг о друга, сорвались с его губ. «Два медальона означают, что больше людей может выйти». Его глаза скользнули по двум его лучшим друзьям. «Гермиона может позаботиться о Гарри». Трио обменялось долгим многозначительным взглядом, казалось, переполненным воспоминаниями, извинениями и обещаниями.

— Мы должны выбраться отсюда, — тихо сказала Гермиона и крепко взяла Гарри за руку, изо всех сил думая о причудливом лице Фреда.

Они исчезли.

Они встретили потрясенного Аберфорта с двумя другими женщинами из его дома в Военной Комнате. Большая часть остального Ордена, казалось, сгрудилась вокруг него беспокойным узлом. Тонкс держала одну руку на бедре и жевала костяшку другой. Ее глаза беспокойно скользнули в сторону камина, который безмятежно потрескивал разными оттенками оранжевого и желтого.

Когда они появились рядом с Фредом, Тонкс быстро взглянула на Гарри.

— Это был он? Ее слова были краткими и краткими. Гарри кивнул, дернув подбородком вниз.

Пламя закружилось зеленым, и Фред, Аберфорт и Тонкс уже держали свои палочки наготове, прежде чем человек был выброшен из решетки. Аберфорт вздохнул с облегчением, когда вошла Поппи Помфри.

— Где Ремус? Сказала Тонкс мучительным тоном. «Почему он остался? Он чертов Хранитель Тайны!» Гермиона знала, что статус Ремуса как Хранителя Тайны на самом деле не был главной заботой аврора.

— Он остался, потому что теперь это не имеет значения, — тихо сказал ей Аберфорт, положив скрюченную руку ей на плечо с нежностью, которая невольно напомнила Гермионе об их директоре. «Фиделиус не относится к этой связи с камином. Если они пройдут через камин, они внутри — Фиделиус или не Фиделиус. Когда наш вышел из строя, это поставило под угрозу всю сеть».

— Профессор Люпин может вернуться. Рон — Рон с ним. — предложила Гермиона, видя агонию Тонкс. «У них есть свои медальоны».

"Те другие люди не знают," сказал Аберфорт, все еще тихо, его глаза сияли от воспоминаний об ужасах. Гермиона скорее почувствовала, чем увидела, что Гарри чуть не завял рядом с ней. Когда они закрыли этот камин, они фактически приговорили всех в этом доме к смерти. Она переплела свои пальцы с его, наблюдая, как глаза Тонкс закрываются от боли.

— Я знаю, — мягко сказал аврор. «Мы последние в Ордене, Аберфорт. Безопасность Гарри превыше всего. Ты знаешь, чего хотел бы Альбус. У нас нет выбора». Покорное выражение на обветренном лице Аберфорта подсказало Гермионе, что он уже все это знал. Она почувствовала, как Гарри беспокойно шевельнулся рядом с ней, словно протестуя против решения Тонкс, но ничего не сказал. Мантия вины на его плечах наполнила комнату гнетущей и почти осязаемой пеленой. Она посмотрела на двух женщин, которые прошли через камин с Аберфортом. — Вы гражданские? Они обменялись встревоженными, испуганными взглядами и кивнули.

— Мы должны отправить их через камин в конспиративную квартиру в Йорке, — внезапно заговорил Гарри, удивив комнату властностью, прозвучавшей в его голосе. — Тогда выключи его. Гарри, казалось, так редко занимал руководящую должность, что это скорее напугало всех в комнате, несмотря на серьезность ситуации. Гермиона смутно задавалась вопросом, в порядке ли Рон.

После кивка Тонкс в знак согласия Фред начал возиться с чем-то на каминной полке, затем бросил горсть пороха в пламя, крича:

"Йорк". Он указал на двух женщин с серьезным лицом. «Тогда продолжайте. После того, как вы дозвонитесь, скажите им, чтобы отключили его», — сказал он. Неуверенно взглянув назад, они нырнули в зеленое пламя и исчезли. Цвет в огне закружился и исчез, когда пламя вернулось к своему первоначальному яркому цвету. Все в комнате, казалось, дышали, как будто они одновременно вспомнили, что давно не дышали.

Глеющие угли в камине пыхтели, и пламя снова засветилось изумрудом. Руки Ордена потянулись за жезлами, словно принадлежащими одному целеустремленному существу.

— Заткнись. Сейчас же! — выдавил Гарри, словно физически выталкивая слова из горла.

— Но что, если... — почти невольно выпалила Гермиона, но остановилась, когда Гарри уставился на нее взглядом, в котором почти в равной степени отражались пылающая ярость и жалкое отчаяние.

Фред взмахнул волшебной палочкой в сторону бело-голубой фарфоровой вазы, бойко стоящей на каминной полке, с безобидным букетом желтых шелковых цветов. Он скользнул с одной стороны мантии на другую, и пламя погасло с пугающей быстротой. Почти сразу же они остались смотреть на все еще дымящуюся решетку и груды углей, медленно меняющих цвет с оранжевого на серый.

— Убедитесь, что они не смогут отследить дымоход, — тихо сказал Гарри и повернулся на каблуках, чтобы выйти из комнаты. Фред повернулся к камину и начал бормотать довольно сложное заклинание. Гермиона услышала, как слегка скрипнула задняя дверь, и последовала за ним, услышав слова Тонкс:

— Нам придется собирать вещи и убраться отсюда. Если Ремус... — она не смогла закончить предложение.

«Гарри», — единственное слово, которое произнесла Гермиона, села на ступеньки рядом с ним и положила голову ему на плечо. Она взглянула на расплывчатый, слишком близкий профиль его любимого лица, затвердевшего, как камень, взгляда, устремленного в открытую воду.

— Эти люди... они... — запинаясь, сказал он.

«Знаете, они тоже волшебники», — с надеждой сказала она. «Очень способный. И я знаю, что были встроены некоторые способы побега, например, наш люк в подвале. Все может быть в порядке».

"Что мы собираемся делать сейчас?" — спросил он, и она заколебалась, не зная, был ли вопрос риторическим, пока он не оторвал взгляд от горизонта и не посмотрел на нее с надеждой.

«Мы найдем новое место. Возможно, нам придется...» Гарри покачал головой.

— Я не могу пойти с тобой. Она подняла голову с его плеча и посмотрела на него с изумлением и болью.

— Гарри, не будь смешным. У тебя...

«Если он отслеживает мою магию, Гермиона, что он сможет сделать, когда она вернется? Она уже возвращается. Он направит устройство самонаведения прямо на меня, прямо на того, с кем я буду. с Орденом».

«Гарри, ты...» она внезапно остановилась, поняв правду в его словах. "О Боже..."

— Я бы сейчас продолжил... не суетясь со всеми, но я не... — Тут он улыбнулся, и улыбка его была горькой и ироничной. «Я не думаю, что еще смогу аппарировать куда-либо».

— Я иду с тобой, — сказала Гермиона со спокойной решимостью.

«Черт возьми», — парировал Гарри, мгновенно отвергая любые мысли, которые могли бы подвергнуть ее опасности. Она посмотрела на него.

«А когда Пожиратели Смерти снова найдут тебя? Что ты собираешься делать? Левитировать их до смерти?» Гарри слегка вздрогнул, но выражение лица Гермионы не изменилось. «Послушай, может быть, мы сможем что-то придумать... что-то вроде заклинания Спутывания или Маскировки. Может быть, я смогу найти способ скрыть твою магическую подпись от Волдеморта. Это просто займет время. Но ты должен позволить мне прийти. с тобой.»

— Гермиона, я... — начал он в слабом протесте, когда задняя дверь распахнулась, и я увидел Нимфадору Тонкс.

«Мы могли бы использовать твою палочку здесь, Гермиона», — коротко сказала аврор, ее слова были строгими, но ее глаза были мягкими, скользя по ним двоим на ступеньках.

Они последовали за Тонкс обратно в дом, в котором кипела работа, поскольку вещи разбирали, сжимали и раскидывали по комнатам в различные сундуки или рюкзаки. Фред отправлял все их принадлежности для зелий в специально обитую коробку с откидной крышкой, которую затем закрывал взмахом палочки.

"Куда мы поедем?" — серьезно спросил Тонкс Аберфорт, его глаза, казалось, невольно скользнули по Гарри. Тонкс пожалла плечами, выглядя встревоженной и неуверенной.

— Не знаю. У нас нет времени на то, чтобы что-то должным образом оберегать, но нам, вероятно, все равно придется переезжать снова, если...

— У моей семьи есть дом недалеко от Дувра, — сказала мадам Помфри. «Я не был там с тех пор, как умерла моя мать, но это то место, куда мы могли бы быстро пойти, отдышаться, сообразить, что делать дальше...»

— Я думаю, это может сработать, — заговорила Гермиона, и Тонкс, похоже, согласилась. Мадам Помфри схватила перо и начала выцарапывать координаты на клочке пергамента. — Мы должны... — начала она, но тут же забыла, что собиралась сказать, когда Ремус и Рон внезапно появились в Военной Комнате.

— О, Ремус, слава Мерлину, — воскликнула Тонкс. "Что - все -?"

— Мы благополучно доставили большинство из них в Йорк, — сказал Ремус, выглядя особенно изможденным. Рон держал левое запястье правой рукой. — Те, что еще не... — он резко остановился. «Мы добрались до подвала и выбрались наружу. Мы думаем, что Пожиратели Смерти собирались сжечь это место дотла... как только они узнали, что камин отключен. Между прочим, хорошая работа», — сказал он Фреду, который с угрюмым лицом приподнял ему в ответ поля воображаемой кепки.

«МакГонагалл и Пенелопа почти привели лазарет в порядок», — сказала Тонкс. «Поппи везет нас в дом своей семьи в Дувре. Наверное, нам следует идти вперед и вперед».

Гермиона взяла случайную пачку с того места, где они стояли, прислонившись к стене Военной Комнаты. Она чувствовала себя напряженной и раздраженной... даже сейчас Волдеморт искал, тянулся изо всех сил, искал Гарри, просеивая все магические знаки, медленно находя тот, который был ему наиболее знаком. Неужели Невилл выдал личности всех Хранителей Тайны? Ее уши наострились, словно в любой момент она могла услышать страшную команду:

« Акцио Люпин».

Она не могла расслабиться, даже после того, как запомнила координаты мадам Помфри, а Гарри-Бока - в Дувр.

— Ну вот, — воскликнула Поппи Помфри, стягивая несколько пылезащитных чехлов с больших предметов мебели, подняв облако пыли, от которого Рон и Гарри закашлялись. Ремус, Тонкс и Аберфорт торопливо ставили обереги, но, услышав объяснение Гермионы о нападении на конспиративную квартиру, все поняли, что долго они там не продержатся.

В первоначальной суматохе Рон подошел к Гермионе, благополучно спрятав Невилла в запечатанном, звуконепроницаемом чулане. Луна почти лениво прислонилась к дверце шкафа, ее пальцы свободно сжимали палочку.

— Я иду с тобой, — почти шепотом сказал Рон.

— Куда? О чем ты говоришь? — почти раздраженно сказала Гермиона.

— Перестань, Гермиона. Как долго я тебя знаю? Насколько я знаю, вы с Гарри планируете уехать.

— Рон, мы должны, — сказала она, решив отказаться от притворства. «Они просто будут следовать за Гарри повсюду. Нигде не будет безопасно... если только я не смогу что-нибудь придумать».

«Я знаю, что ты должен. И ты не оставишь меня позади. Я могу помочь».

«Гарри пытается подвергнуть опасности как можно меньше людей», — запротестовала она.

— Я не просто люди, — сказал Рон. «Я его лучший друг — и твой — или, по крайней мере, я так думал».

«Конечно, Рон. Но как насчет Джинни, Фреда и твоего отца? Ты так просто собираешься их бросить?»

"Оставить кого где?" — внезапно спросил Ремус, очевидно вернувшись с возведения защиты. Его голос был слишком обезоруживающим, и Гермионе стало интересно, какую часть разговора он слышал.

Гарри заметил взаимосвязь и поставил сундук, который только что подобрал.

— Мне нужно идти, Ремус, — просто сказал он. «Если Волан-де-Морт отслеживает мою магию, и моя магия начинает возвращаться, то я не могу оставаться здесь. Я только подвергну опасности всех, кто рядом».

Лицо Люпина сморщилось, но он не стал спорить с Гарри. Это было почти так, как заметила Гермиона, как будто оборотень ожидал чего-то подобного.

— Итак, Гарри... — начал мистер Уизли, почти комично колеблясь и слегка запинаясь, — я знаю, что этот последний час или около того был... несколько обескураживающим, но... нет нужды впадать в растерянность, и... — он запнулся. Остановился, но затем сказал: «Ты знаешь, что Орден всегда поддержит тебя».

— Я знаю, сэр, — искренне сказал Гарри. «Это не будет постоянным. Это будет только до... пока...»

— До каких пор, Гарри? — спросила Тонкс, пытаясь казаться приятной, несмотря на то, что она явно сомневалась в плане действий Гарри.

«Пока Гермиона не придумает чары, которые маскируют мою магию настолько, чтобы я мог продолжать тренироваться и восстанавливать свои силы», — сказал он как ни в чем не бывало. «Тогда мы снова сможем вас найти, штурмовать Хогвартс, избавиться от Праймов и навсегда победить Волдеморта».

— Откуда ты вообще знаешь, где Праймы? — спросила Тонкс упрямо и вызывающе.

"Где еще они могут быть?" Гарри ответил. «Это лучшее место в Британии, если вы хотите что-то скрыть. Понятно, почему Волдеморт нанес удар по Министерству и Косому переулку. Ему нужны были эти места стратегически, чтобы закрепить свою победу. Зачем ему нападать на Хогсмид? центр волшебного населения так близко от Хогвартса. Зачем ему Хогвартс?»

Профессор Дамблдор умер. Я закончил учебу. Учебный год закончился.

Гермиона стояла рядом с Гарри, чувствуя тихую гордость. Он не поддавался жалости к себе, несмотря на свои магические способности - или их отсутствие - несмотря на это. Каким бы сомнительным ни было это различие, Гарри, похоже, хорошо разбирался в мыслях волшебника, в настоящее время правящего Англией. И, возможно, ее задача состояла в том, чтобы проследить за тем, чтобы он прожил достаточно долго, чтобы использовать это знание с пользой.

— Мы уже делали это раньше, — внезапно выпалил Рон. «Прошлым летом мы сами охотились на хоркруксы, и у нас все отлично. Избавились от них всех. Мы даже знаем несколько хороших мест, где можно спрятаться».

Все взгляды в комнате внезапно устремились на Рона, и он покраснел под пристальным вниманием, опустив голову. Его отец уставился на него почти с удивлением, а затем подошел к нему, обхватив руками место соединения шеи и плеч Рона. Он долго смотрел в глаза своему младшему сыну, а потом сказал:

«Ты будешь гордиться своей матерью, сынок». Это не был вопрос или вымогательство обещания; это было утверждение, и Гермионе показалось, что она увидела, как глаза Рона заблестели в тусклом свете пыльной комнаты.

— Я не... я не думаю, — начал Гарри, неловко откашлявшись, словно не желая прерывать такой момент, — я не думаю, что вы должны знать, где мы находимся, или что мы должны знать, где у нас есть медальоны, и они помогут нам найти друг друга, если это будет необходимо.

Члены Ордена стояли в окутанной пеленой комнате, часть мебели все еще была мрачно обтянута тяжелой тканью. Пылинки кружились в свете, лившемся из единственного окна, шторы которого были отодвинуты в сторону. Единственным звуком были суетливые движения Пенелопы, пока она и профессор МакГонагалл работали над тем, чтобы Джинни было как можно удобнее.

Гермиона наблюдала, как глаза Гарри медленно, почти невольно переместились к маленькому дивану, где девушка, которую он когда-то любил — думал, что любит? - лежал ничком. В его глазах мелькнула неуверенность, прежде чем они стали решительнее, и ей стало интересно, какого рода решение он только что принял.

Словно прочитав ее мысли, он вдруг посмотрел на нее и протянул руку к ее.

"Мы собираемся сделать это. Сейчас. Прежде чем мы уйдем", сказал он, когда она взяла его за руку, глядя на него без понимания.

— Что делать, Гарри?

— Вытащите из этого Джинни. Пока мы не ушли. Он оглядел других членов Ордена с извинением в глазах. «Ты не сможешь оставаться здесь. Я уверен, что магический выход такого масштаба разгонит Волдеморта на максимальной скорости».

— Гарри, мы даже не... мы до сих пор не знаем, сработает ли это, — запротестовала Гермиона.

«Это должно сработать. Вы просили неделю, а прошло шесть дней. Какой еще есть выбор?» Она задумалась над жестким, решительным взглядом в его глазах и молча согласилась.

"Хорошо." Она бросила быстрый взгляд на Рона и мистера Уизли, которые, казалось, смирились с тем фактом, что этот шаткий план был единственной надеждой Джинни. Когда они с Гарри подошли к той стороне дивана, где лежала Джинни, она увидела, как мистер Уизли положил руку на плечо Рона, а Фред пробрался из дальнего конца комнаты, чтобы встать рядом с остальными членами своей семьи.

"Вы готовы?" — мягко спросил ее Гарри, его большой палец мягко погладил тыльную сторону ее пальцев, так легко, что это было едва ли касание, но так внимательно, что по ее руке пробежали мурашки. Она кивнула и закрыла глаза.

Она протянула свою магию, толкая ее вперед, словно отталкивая от себя. Но она не отпустила его полностью, вместо этого последовала за ним к разуму Гарри, тщательно удерживая точку опоры в собственном разуме, чтобы не потерять себя, как она чуть не сделала в прошлый раз.

Она чувствовала присутствие Гарри, чувствовала, как он взял под контроль ее магию, чувствовала, как он приближался к разуму Джинни, как они так часто приближались к разуму Рона. Она снова последовала за ним, олицетворяя его поддержку, направляя к нему свою магию со всей силой, на которую была способна, одновременно пытаясь вызвать воспоминания о доме, о своих родителях, о бабушке, о чем угодно, лишь бы не дать своей личности ускользнуть от нее. .

Она глубоко вздохнула, когда проникновение в разум Джинни потрясло ее. Это не было похоже на разум Рона, теплый и живой и — если ее присутствие обнаруживали — обычно смущенный. Оно было холодным и вялым, неподвижным... как... как труп, внезапно поняла она. Она надеялась, что еще не поздно.

Она все еще могла ощущать окружающее тепло присутствия Гарри, восхитительно сияющее, как пламя огня, и потянулась к нему, чувствуя, как ее сила пронизывает ее, как электрический ток.

— Джинни? Голос Гарри звучал тонким эхом, словно Гермиона слышала его издали. — Джинни? Ты там? Это Гарри.

Послышался стремительный звук, как будто что-то приближалось издали, и Гермиона почувствовала, как будто земля ушла из-под ее ног — что было нелепо, потому что технически

под ее ногами в любом случае сейчас не было никакой земли.

Те же окна-картинки, которые она видела в сознании Рона, начали всплывать в серовато-туманном вихре разума Джинни. Гермиона почувствовала, как в ней зародилась надежда; Разум Джинни реагировал на их присутствие. Может быть, они не слишком опоздали.

А потом ее перспектива резко изменилась, как будто весь мир накренился вокруг нее, как будто она падала. Беззвучный крик вырвался из ее горла, хотя она знала, что никуда не падает. Мою маму зовут Хелен Грейнджер. Имя моего отца...

Конец фразы умер в ее голове, не рожденный, поскольку мысли Джинни сменились тем, что она слишком хорошо знала, хотя сама никогда его не видела. Но Джинни была. У Гарри был.

Тайная комната.

Гермиона почувствовала, как холодные щупальца побежали по ее шее и позвоночнику, когда она увидела красивого молодого человека в черной школьной мантии Хогвартса, стоящего в дальнем конце зала, возле статуи Салазара Слизерина. Теперь ее тянуло вперед, она была бессильна остановить это и знала, что кошмар Джинни уже начался. Ни она, ни Гарри ничего не могли сделать, чтобы предотвратить повторение этого.

Повсюду были тела, и Гермиона почувствовала, как у нее поднимается горло, даже зная, что этого описания событий в Зале на самом деле не было. Джинни стояла — Джинни, какой Гермиона видела ее в последний раз, почти семнадцать, а не Джинни в одиннадцать, — напротив Тома, выглядевшая изможденной, грязной и мокрой, ее сгорбленная поза выражала запуганную покорность. Гермиона старалась не смотреть на смятые формы разных Уизли — даже в кошмаре рыжие волосы резко контрастировали с серым камнем.

Мою маму зовут Хелен Грейнджер.

Том Риддл протянул свою когтистую руку к Джинни, и хотя никакого контакта не произошло, Джинни вздрогнула и пронзительно закричала, словно пораженная проклятием Круциатус.

" Мама? Папа? Билл? Остановите это, кто-нибудь, остановите это", - взвизгнула Джинни, опускаясь на колени и подгибаясь к ногам, как выброшенная кукла. Гермиона увидела свои пальцы, впивающиеся в кожу лба, сомкнувшиеся на глазах - глазах, потерявших способность видеть в отчаянной попытке остановить ужас.

— Джинни? — раздался знакомый голос, который не принадлежал Гарри. Гермиона удивленно повернулась к источнику звука. Это был один из близнецов.

" Джордж?" — с надеждой спросила Джинни. Он прошел менее половины зала, когда Том Риддл снова протянул руку, сжал ее в кулак и резко повернул запястье. Джордж внезапно

остановился, как будто его физически сдерживали, и издал булькающий звук. Вокруг его шеи появилась тонкая полоска крови, когда невидимая рука удавила его. Джинни сделала движение, словно собиралась бежать к нему, но двигаться ей мешал невидимый барьер.

Джордж протянул к ней руку и попытался произнести ее имя. Губы его шевельнулись, но из губ потекла только кровь. Джинни беспомощно стонала, а Том Риддл смеялся. Гермиона начала паниковать. Где был Гарри? Куда она направила свою магию?

Мою маму зовут Хелен Грейнджер.

— Оставь ее в покое, Том, — раздался голос, который она слишком хорошо знала. Огромная волна радости наполнила ее сердце, и она повернулась и увидела, как Гарри шагает по широкому проходу к верхней части зала. Он казался выше, чем она помнила, и шире в плечах. На шее у него был застегнут плащ с гербом Гриффиндора, и его развевал невидимый, неосязаемый ветерок, который также трепал его взлохмаченные темные волосы. Гермиона была сбита с толку переменами, пока не поняла, что видит его таким, каким Джинни видела его в одиннадцать лет, как героя-победителя, как своего благородного спасителя, как свою безответную любовь. Она почувствовала парадоксальный укол симпатии к девушке, пытаясь представить, что бы она чувствовала, если бы Гарри не любил ее в ответ.

" Гарри!" Джинни ахнула, полуикая-полувсхлипывая. Гермиона задумалась, не смешно ли ревновать к чужому кошмару. Она почувствовала, что ее контроль ускользает.

Мою маму зовут Хелен Грейнджер. Мой день рождения 19 сентября.

Черты лица Тома Риддла, казалось, исказились и заострились, медленно превращаясь в более знакомый, менее человеческий облик Лорда Волан-де-Морта. Джинни, напротив, выглядела спокойнее, увереннее, и Гермиона не могла ее винить. В конце концов, разве Гарри уже не сражался и не выиграл эту битву?

Имя моей матери... какое-то мгновение она лихорадочно нащупывала его, мгновенная паника охватила ее грудь. Моя мать...

— Гермиона? Она удивленно вздернула подбородок. Гарри смотрел на нее через плечо. "Иди. У меня есть это. Я могу это сделать".

Ты уверен? Ее губы шевельнулись, но не издали ни звука. Тем не менее, Гарри, должно быть, услышал ее, потому что она почувствовала, как его ответ пульсирует в ее сознании, хотя он и не говорил.

Я уверен. Я тебя люблю.

Она отпустила и почувствовала, что отлетает назад. Комната растворилась в сером тумане, а ее

разум струился обратно в ее тело, как резиновая лента, которую натянули и отпустили.

Она открыла глаза.

Пальцы Гарри обмякли в ее руке. Его голова все еще была согнута, глаза закрыты. Другая его рука сжимала Джинни, и она беспокойно ерзала на диване.

— Гермиона? — прошипел Рон, слегка толкая ее в бок. "У тебя все нормально?" Она кивнула, не глядя на него, ее глаза были устремлены на Гарри.

«Он сказал, что у него это есть. Я думаю, что он собирается это сделать». Лицо Джинни побледнело, а губы дернулись, когда она пробормотала что-то невнятное. Гарри высвободил свою руку из руки Гермионы и вновь схватил руку Джинни обеими руками.

Никто из Ордена не шевельнулся — Гермиона не была уверена, что кто-то из них вообще дышит. Казалось, прошла полжизни, но по тому, как струился свет в единственном открытом окне, она могла сказать, что прошло всего несколько минут с тех пор, как они впервые прибыли сюда.

Джинни вскрикнула и попыталась вырвать свою руку из руки Гарри, но он крепко держал ее. Его лицо напряглось от сосредоточенности, и Гермиона увидела, как на его лбу выступили капельки пота. Она отчаянно хотела вернуть его руку, но не знала, как это повлияет на всю процедуру. Невольный, невнятный крик сорвался с его чуть приоткрытых губ. Его тело напряглось.

Его глаза распахнулись, и он выдохнул: «О, Боже мой», и судорожно вздохнул. Почти одновременно Джинни села на диван и закричала:

"Мама папа?"

— Джинни? — неуверенно спросил мистер Уизли после того, как Гарри кивнул ему в ответ.

"Папочка?" — спросила она, протягивая ему руку в том направлении, откуда он говорил. «Мне было больно в Хогвартсе? Что у меня с глазами? Где мама?» Пенелопа и мадам Помфри незаметно парили поблизости, проводя сканирование палочками, а Гермиона и Рон обменялись туманными взглядами. Гарри зашатался на ногах и чуть не упал, вовремя пойманный двумя лучшими друзьями, которые помогли ему взобраться на недавно открытый стул.

— Она... с ней все в порядке? — с придыханием спросил Гарри, согнувшись в коленях, как человек, борющийся с тошнотой.

Взгляд Гермионы метнулся к Джинни, которая тихо, почти срывающимся голосом говорила:

— Я... я помню. Я... она оттолкнула меня с дороги, и... что-то ударило нас обоих. Она быстро заморгала, когда на нее навернулись слезы, и рухнула в объятия отца. — Мерлин, все кончено? Мы проиграли? Гермиона посмотрела на Гарри и увидела, что он тоже смотрит на Джинни.

— Нам пора идти, — сказал он вдруг, быстро поднимаясь на ноги. Гермиона не могла не заметить, как он слегка покачнулся, его рука слегка опустилась на подлокотник кресла, чтобы не упасть.

— Гарри, может, тебе стоит уделить минутку, — сказал Рон, бросив на Гермиону тревожный взгляд. Лицо Гарри стало определенно серым.

— Мы не знаем, сколько у нас есть времени, Рон. Все, что я знаю, это то, что никого не должно быть здесь, когда Волдеморт придет звать, — попытался огрызнуться Гарри на своего лучшего друга, но не смог набрать достаточно энергии, чтобы вытащить его. выключенный. Бровь Гермионы нахмурилась от беспокойства, и она протянула руку, чтобы мягко погладить плечо Гарри.

— Гарри, садись. Волдеморту потребуется несколько часов, чтобы выследить нас. собираюсь идти?" Гарри выглядел так, будто хотел бы с ней поспорить, но не мог собраться с силами, чтобы сделать это. Когда он потянулся, чтобы откинуть мокрые от пота волосы со лба, его рука дрожала.

Гермиона старалась не показывать тревогу. Это явно забрало у него больше, чем он хотел показать. Неужели они зашли так далеко только для того, чтобы вызвать рецидив у слабого, избитого Гарри, который только что вырвался из когтей Волдеморта?

Наблюдая достаточно долго, чтобы удостовериться, что веки Гарри начали опускаться, даже когда он пытался держать их открытыми, Гермиона вернулась к группе людей, столпившихся вокруг Джинни.

"Как она?" — прошептала она МакГонагалл, пока Пенелопа давала Джинни инструкции относительно введения очень легкого снотворного.

— Это не похоже на успокоительное, — сказала юная ведьма-медик. «Это будет естественный сон. Всего несколько часов».

— Никаких кошмаров? — спросила Джинни немного испуганно. Гермиона не могла ее винить.

— Никаких кошмаров, — успокаивающе сказала Пенелопа, и Джинни, казалось, расслабилась. Ее отец пододвинул стул и держал ее маленькую руку между своими двумя большими.

— Ты останешься со мной, пока я не засну? — спросила Джинни мистера Уизли голосом маленькой девочки, почти невнятным от усталости. Гермиона почувствовала, как к горлу

подступил ком, когда она перевела взгляд с Джинни на Гарри, теперь спящего в кресле. Рон подвозил к ногам Гарри небольшой крайний столик, поднимая ноги на его пыльную поверхность.

— Мисс Клируотер не знает, можно ли исправить слепоту на данный момент, — вполголоса ответила Гермионе профессор МакГонагалл. «В противном случае она должна быть физически в порядке. Сможет ли она справиться с эмоциональным и психическим стрессом своей реальности, а также с воспоминаниями о своих кошмарах, еще неизвестно».

Гермиона знала момент, когда Гарри проснулся, потому что он резко вскочил со стула, казалось, что все руки и ноги, его лицо было безумным, хотя все еще несколько затуманенным во сне.

"Который сейчас час?" — сказал он с гораздо большей паникой, чем обычно требует такой вопрос. Его глаза метнулись к окну, сквозь которое косой слабый свет, вероятно, ничуть не развеял его страхи.

— Уже почти семь, — спокойно сказала Гермиона, и взгляд Гарри резко метнулся к ней. "Мы готовы идти, когда вы."

— А Орден? Куда они идут? Гермиона крепко сжала губы, смаргивая слезы.

— Мы решили, что ты был прав — лучше нам этого не знать, — просто сказала она. Ясно, логично, что это было мудрое решение. Но, Мерлин, мне больно, подумала она про себя.

— Мы отрезаем себя от других убежищ, — сказал тогда Ремус, отойдя от того места, где он стоял, в один из самых темных углов комнаты. «Мы — то, что осталось от Ордена, мы — твоя поддержка, Гарри. Это слишком опасно для гражданских в данный момент. Буду тут же».

— А пока, — почти нерешительно вставила Тонкс. «Мы будем искать способы проникнуть в Хогвартс. Никаких действий против Волдеморта быть не может, пока эта армия не будет уничтожена».

— Мы еще вернемся, — серьезно сказал Гарри, пытаясь придать своему голосу уверенности. «Как только Гермиона получит чары, которые будут маскировать мою магию, чтобы я мог безопасно их использовать, мы вернемся, чтобы помочь». Он искоса посмотрел на Гермиону с нежной улыбкой. — Зная ее, я не думаю, что это займет много времени. Она немного покраснела и посмотрела на свои туфли.

Рон сидел с Джинни на краю дивана и разговаривал с Фредом и его отцом. Четыре рыжих головы были сгруппированы близко друг к другу, блестяще выглядя в закрытой комнате и неловко напоминая Гермионе об изображении кошмара Джинни. Он наклонился и нежно поцеловал Джинни в лоб, а мистер Уизли и Фред похлопали его по плечу, очень по-мужски, скрывая любые эмоции.

Гермиона по очереди обняла Тонкс, МакГонагалл, Луну, Пенелопу, мадам Помфри и Флер. Цепь по комнате привела ее к голове Джинни, и она оказалась в восторженных объятиях Фреда Уизли. Через его плечо она могла видеть, как Ремус крепко обнимает Гарри, напряжение в их руках и плечах выдавало, что они чувствовали, расставаясь друг с другом. Гермиона знала, что Ремус Люпин был самым близким отцом, которого оставил Гарри, заняв место, оставленное вакантным Джеймсом Поттером и Сириусом Блэком.

Наконец Гарри подошел к Уизли, а Гермиона попыталась уйти туда, где Рон тихо разговаривал с Луной, не в силах оторвать одного глаза от наблюдения за происходящим у дивана.

— Джинни, — сказал Гарри низким и неуверенным голосом.

"Гарри!" Она протянула руку, и он сжал ее. В отличие от его, ее голос звучал радостно. — Я хотел... поблагодарить тебя за то, что ты сделал.

«Ты мой друг, Джинни — и хороший друг. Ты бы сделал то же самое для меня», — ответил Гарри, наблюдая за ней с состраданием и небольшим сожалением. Использование им слова «друг» не осталось незамеченным для Джинни, как и для Гермионы, когда последняя заметила вспышку боли в невидящих глазах Джинни.

— А ты... ты сейчас с Гермионой? Слова были тщательно сформулированы, произнесены так, чтобы предотвратить малейший эмоциональный всплеск. Ее подбородок лишь слегка дрожал.

— Да, — тихо заметил Гарри. — Рон сказал тебе?

— Не так много слов, — ответила Джинни. «Но я слышал это в твоем голосе. То, как ты произнес ее имя, было мягче... почти благоговейным». Ее губы изогнулись в безрадостной улыбке. «Говорят, что вы компенсируете другими своими чувствами, когда теряется одно чувство. У меня все хорошо, не так ли?»

— Джинни... — начал он, но почти так же быстро остановился, по-видимому, в полной растерянности. — Я никогда не хотел причинить тебе боль. Гермиона увидела, как он вздрогнул от бессмысленности слов.

— Я не собираюсь лгать и говорить, что это не больно, Гарри, — сказала ему Джинни, глядя в его сторону влажными глазами. «Но у нас есть дела поважнее, из-за которых мы сейчас мучаемся, не так ли? И у тебя есть более важные дела, которые нужно выполнить». Она протянула руку и убрала несколько непослушных прядей волос с его лба, глядя на весь мир так, словно могла видеть его ясно. «Возвращайся после того, как победишь Волдеморта, и я надеру тебе задницу, как ты того заслуживаешь». Ее лицо было озорным, хотя глаза блестели от слез. Невольный смешок сорвался с губ Гарри, и Гермиона почувствовала укол зависти по поводу того, как легко ей всегда удавалось рассмешить его.

— Если я выберусь из всего этого, я позволю тебе, — пообещал он беззаботным тоном и

наклонился, чтобы поцеловать ее в висок. — Береги себя, Джинни.

«Не беспокойся обо мне, Гарри. Будь в безопасности», — ответила Джинни, кусая губы, чтобы не дать слезам взять над собой контроль. Гарри повернулся к Гермионе и Рону, и Гермиона попыталась сделать вид, что не подслушивала его разговор с Джинни.

"Вы готовы?" он спросил. В ответ Гермиона подошла к стене, где были подперты три рюкзака, подняла их, вручила по одному Гарри и Рону, а третий взвалила на плечи. "Куда мы идем?" Он выглядел удивленным, когда Гермиона слегка нервно посмотрела на Рона.

«Все дело в магических остатках», — сказала она. «И не слишком далеко от двух других деревень, которые находятся в том же штате. Мы надеемся, что... последствия затруднят Волдеморту поиски нас. Если вы вообще не будете использовать свою магию, ваш низкий уровень вывод должен быть скрыт помехами... надеюсь, достаточно долго, чтобы мы придумали что-то более постоянное — и портативное — для прикрытия вашей магии». Гарри смотрел на нее, озадаченный, явно любопытствуя, почему она так нервничает из-за их выбора.

— Это одна из деревень, уничтоженных Волдемортом, не так ли? Ты уверен, что там не будет отряда Пожирателей Смерти? он спросил.

"Я не понимаю, почему," ответила она. «Охранять больше нечего. Но я думаю, что мы можем... мы можем остаться там, где остановились в прошлый раз — прошлым летом». Она видела, как на его лице мелькнуло осознание, и знала, что он думает о беспокойных, беспокойных ночах в пропахшем затхлостью подвале под руинами дома, который был почти разрушен 17 лет назад. Он сглотнул и, глядя на нее, мрачно сказал:

«Годрикова впадина».

<http://tl.rulate.ru/book/80752/2457013>